

ГЛАВА 7

Когда уборщики снимали бушлаты в казарме, к Павлушкину подошел Герц с вопросом:

— Ну как погода?

— Не застоишься.

— У меня для тебя две новости.

— Плохая или письмо из дома?

— Плохая... Павлуха, из вас кто-то показной инвентарь на уборку захватил.

— Отвечаю: не я.

— Разбираться не будут.

— А я-то думаю, че нам дневальный на тумбе так козырнул, как будто цинки¹ в казарму приперлись. А свободная смена такая грустная, как будто в цинках — родные братья.

— Кетчуп свободной смене отмывать, я бы на их месте тоже пригорюнился.

— Коганов хоть тут? Пересеклись с ним на улице, сюда должен был дислоцироваться.

— А толку?.. Пришел, намахнул стакан и в канцелярии залепился².

— Понятно... Интересно все-таки, какой гад инвентарь показной захватил?

— Не там крайних ищешь.

— Ищу где хочу, и не надо мне тут твоих сказок про гнилую систему. Не верю я в это, Герц.

— Понимаю.

— Понимает он... Там ищу, не там ищу — через пять минут за все ответчу собственным рылом. За всех и по полной. Поэтому рою, где хочу и как хочу, мое право. Захочу — вообще инвентарь обвину. Инвентарь крайний, понял, нет?!

— Понял!

— Ну и все!

Восемь сержантских рук с закатанными рукавами месили курсантское тесто, которое обещало выйти на славу, потому что в замесе хоть и падало, но поднималось. Отчасти дело зависело от самой муки, которая местами была высшего сорта. Частично причина крылась в превосходных дрожжах, очень похожих на сержантские сапоги и особенно любивших бродить в тех местах, где опара не могла или не желала идти на подъем.

Кровь, однако, рекой не лилась, как любят преувеличить в книгах некоторые баснописцы. Она всего-навсего разбрызгивалась в разные стороны из носов и ртов, как из стрекочущих огородных брызгалок.

После первых же ударов духи успокоились и отделились на волю течения, которое рано или поздно должно было вынести их в умывальник.

«Деловито работают, — подумал Павлушкин. — Долго выдыхаться будут».

В неразберихе падавших и поднимавшихся тел можно было случайно стать героем. Павлушкин

¹Цинковые гробы (арм. сленг).

²Уснуть (арм. сленг).

специально не искал подвига. Подвиг сам нашел Ильич дважды.

Кстати, если кто не знал, товарища можно прикрыть не только грудью, как пишут в учебниках по геройству. Спору нет, что носом или, например, ухом друга не спасешь, потому что эти части тела слишком малы для великого дела. А вот попа... Попа — это вариант, потому что у некоторых экземпляров она по ширине не только не уступает груди, но и превосходит оную.

Словом, две головы не слетели с плеч от ударов сапогами только потому, что попа Павлушкина, не уступавшая по размеру крупу взрослого пони, все время оказывалась в нужном месте, то есть под самым носом у подвергавшихся опасности товарищей.

После того как сержанты отправили избитых курсантов в умывальник и разошлись, Герц пришел на поле бойни. Дневальные свободной смены уже были на месте. Они в бешеном ритме елозили по полу на коленях с тряпками в руках и с опаской поглядывали на дверь казармы, в которую в любой момент мог войти какой-нибудь офицер. Их лица были трусоватыми и злыми. Они чем-то напоминали гиен, которые первыми появляются на поле, усеянном трупами, чтобы поживиться лакомыми кусками и успеть убраться до прихода более сильных хищников.

— Может, помочь, пацаны? — предложил Герц.

— Отвали, — нервно бросил дневальный Вахрушев по прозвищу Ваха, гордый нытик, постоянно надоедавший курсантам длинными речами о том, как все вокруг живут не по понятиям. — Фара, воду смени, кровавая вся, — бросил он дневальному Кирееву, забитому очкарику в замызганной форме.

— Оставайся, Герц, — буркнул дневальный Бузаков, неплохой, но вечно чем-то недовольный парень. — Че ты зубы скалишь, Ваха? В четыре каски быстрее управимся, шакалы на подходе.

Герц смывал кровь и думал: «Все, что могу, Павлуха. Все, что могу, брат. Где тут твоя кровь? Я найду, найду. Ничего, нам и крепче доставалось. Помнишь, комбригу честь не отдали? Заговорились, не заметили его, а кого волнует? Досталось тогда нам с тобой, а комбата все равно больше себя жаль было. Помнишь, как комбриг орал на него на плацу? Бойцы распоясались у тебя, батальон гробишь. А потом комбриг ушел, и батя спокойно так, без злобы: “Кто, сынки? Выйти из строя!” И мы вышли, потому что батя спросил. Хоть никто и не знал, что это мы, а вышли. И батальон смотрел на нас. И ни одного слова в спину, что мы гниды или пидоры. Всем было по бараба-

ну, что мы комбригу честь не отдали. Все комбата жалели. Лучше бы батя заорал на нас тогда, сгноил в наряде, но он сказал: “Будьте внимательней, сынки. Встать в строй”. Я думал, тот развод никогда не кончится, думал, со стыда сгорим. Помнишь, че сержик нам тогда сказал? Готовьтесь, сказал, после развода; сами понимаете, что натворили. И мы бы жить с тобой не смогли, если бы не получили тогда. Мы шли в курилку с радостью. И боли не чувствовали».

Перед разводом батарея была построена на утренний осмотр. Сержанты лениво прохаживались перед отделениями. Курсанты готовились пострадать за внешний вид.

— Среда, — шепнул Павлушкин Герцу. — Может, забудут, что сегодня резиновый день¹?

— Мечтай больше, — ответил Герц. — Ты бы забыл о развлечении, которое в самом распорядке дня написано?

— Я — нет.

— Вот и сержики — нет. Жди команды «разобрать противогазы!».

— Мне бы гондон² другой... XXL.

— А че не подменил до сих пор?

— Члены товарищей жалко.

— Жалостливый, что ли? У тебя тоже член неказенный. Кузельцов оттягивает резину как надо. Отпустит — и в голове звон, как на Пасху.

— Мне нравится.

— Не понял.

— Звон, говорю, колокольный нравится.

— Деревня.

— Сам такой.

— Обиделся на деревню, что ли?

— Ничего не обиделся.

— А че быкуешь тогда?

— Через плечо... Мне ваш город на фиг не сдался.

— Ты как маленький, ей-богу.

— Отдыхай, а!

— О'кей, но в сегодняшней наряд тебе все равно со мной идти.

— Выбирать не приходится.

— Ну все, остынь... Мама курево прислала, поделимся.

— Свое имею.

— Ну, не прав я, не прав. Прости.

— Не прощенное воскресенье. Среда резиновая.

— Ну и ладно. Если честно, мне вообще по барабану на твоё прощение.

¹ День ракетно-химической и биологической защиты (арм. сленг).

² Противогаз (арм. сленг).

— В этом ты весь, Саня, — произнес Павлушкин и строго посмотрел другу в глаза. — Высокомерный ты. Самолюбивый эгоист, а корчишь из себя благородного. У тебя даже неплохо получается строить из себя кого ты там строишь, но только меня ты хрен залечишь, я тебя насквозь вижу.

— Да пошел ты, — угрюмо посмотрев на друга, произнес Герц. — Зрячий выискался.

— Ладно, давай свой гондон на сегодня, пещальник чертов, — подмигнув, сказал Павлушкин. — Подмени меня разок на кресте.

— А че — хорошая идея, — засветившись, произнес Герц. — Не все же твоей Голгофе муки смертные принимать.

— Че за Голгофа?

— Голгофа — это «лобное место» на арамейском языке. — На лоб удар от натянутой резины и приходится.

— А-а-а, — с пониманием протянул Павлушкин. — Ты вот что. В норматив вряд ли уложишься, если подсумок заранее не расстегнешь. Тут две секунды выиграть надо, иначе гондон дальше лба не натянешь, туго, сволочь, идет.

— А вдруг Кузельцов спалит¹?

— Не бойсь, он по привычке за мной палить² будет.

— О'кей... Противогаз нормально уложил?

— Обижает. Как покойника в гроб. Ноженьки вместе, рученьки на груди.

— Ну у тебя и ассоциации.

— Как получишь по Голгофе — и не такие повяжутся.

Начался утренний осмотр. Первым делом Кузельцов стал проверять подворотнички на предмет белоснежности.

Взгляды Павлушкина и Герца на утренний осмотр разнились. Однажды друзья даже поспорили друг с другом.

— Я привык самостоятельно жить, — сказал Павлушкин. — Сам за собой всегда смотрел. Мне проверяющий не нужен. К матери и то редко обращался, чтоб штаны погладила или еще че.

— А я вот люблю осмотры, — произнес Герц. — Кузельцов мне как старший брат становится, которому не все равно, как я буду ходить.

— Он тебя младше на три года.

— Тем более.

— Ты че — совсем дурак? Он это по уставу делает, ему на тебя вообще до борозды.

— Ни черта. Вот посуди сам. Его же никто проверять не будет, ни один офицер. Он по доброй воле за нашим внешним видом следит.

— И долбит по доброй воле, если подшива³ грязная.

— Так это тоже вроде как по-братски. Тебя разве старший брат не лупил за косяк⁴ какой? Так и Кузельцов. Ты на его лицо посмотри, когда у нас что-нибудь не так. Он реально расстраивается.

— Также мне брат нашелся.

— Он даже больше, чем брат. Прикинь, нас с ним даже кровные узы не связывают. Разве я мог предположить до армейки, что за мной какой-то омич присматривать будет? Нет, конечно. Нужен я ему сто лет, если бы мы пересеклись на гражданке. Ведь ничто нас, казалось бы, не связывает. Ни социальный статус, ни уровень образования, ни взгляды, ничто. А на проверку выходит, что все иначе. Я так рад этому. Кузельцов не равнодушен ко мне. Пусть сурово, пусть жестко, пусть даже жестоко иной раз не равнодушен, а все равно. Мы же не бабы, у нас и должно быть такое братство. Мужское. Ты это тоже безотчетно чувствуешь.

— Ты просто несамостоятельный. Смотрят за мной, не смотрят за мной, а я все равно в засаленной робе ходить не буду. Мне самому в облом⁵.

— Хорошо, пусть я даже несамостоятельный, зато я кому-то нужен. А вспомни, как мы стацили в столовке бушлат у махры. Для Семенова. По приказу Кузельцова, между прочим. Нашему сержику не все равно, в чем будет ходить его курсант. А ведь Кузельцов нам не кум, не сват, не брат и даже не земляк, а просто ровесник.

— Просто Кузельцову заняться по утрам нечем. Че ему делать, если не нас проверять?

— Спать до прихода шакалов, смотреть телевизор, писать письмо девушке.

— Все равно ненавижу осмотр.

— А я вот хоть убей — люблю.

Сержант Кузельцов был доволен подворотничками курсантов и с одобрением покачивал головой, пока не добрался до Семенова.

— Шею, что ли, намылить, обезьяна? — оторвав грязный подворотничок, спросил Кузельцов у Семенова.

— Не надо, — вмиг потускнел Семенов. — Пожалуйста, не надо, товарищ сержант.

— Забыл подшить, что ли?

— Не успел.

— Все успели, он не успел.

³Подворотничок (арм. сленг).

⁴Проступок, промах (сленг).

⁵Неприятно, противно (сленг).

¹Увидеть, заметить (сленг).

²Смотреть в данном случае (сленг).

— Я стирал форму старшего сержанта Котлярова, когда подготовка к завтрашнему дню была.

— Чмо ты у меня, Семенов. Но ты действительно не виноват... А виноваты... виноваты... виноваты у нас... Герц и Павлушкин, которые отказались помочь тебе в стирке. Не слышу, пидоры с белоснежными подшивками!

— Так точно! — в голос рявкнули Герц и Павлушкин.

— Обезьяны, теперь у вас на троих ровно три минуты, чтобы у Семенова была чистая подшивка. Время пошло!

Никакого замешательства. Павлушкин быстро, но без суеты вынул из кармана кителя запасной подворотничок и сказал:

— Герц, готовь иглу и нитку. Семенов, снять китель и выставить его перед собой. Дело шью я. Поехали!

Устав позаботился о том, чтобы самое необходимое всегда было у солдата под рукой. Герц снял шапку, вынул из-под козырька иглу с заранее вставленной в нее белой ниткой (также под козырьком были иглы с нитками черного и зеленого цвета) и передал орудие труда швее. Семенов снял китель через голову и выставил его перед собой.

— Сто к одному, что не успеют, — сделал ставку Кузельцов и, скрестив руки на груди, впился взглядом в Павлушкина, сделавшего первый стежок.

Белая нитка стала шустро окаймлять подворотничок.

— Шей левой рукой, — усложнил задачу Кузельцов. — Пять секунд добавляю.

— Не успею, товарищ сержант, — наудачу закинул удочку Павлушкин.

— Успеешь, верю в тебя, — попался на крючок Кузельцов и, поразмыслив, сказал: «Пожалуй, пять секунд за левую руку маловато. Минуту накидываю, но чтобы все чин чином».

Того и надо было Павлушкину. Командир отделения оказался на его стороне. Бойцы стояли в строю, не шелохнувшись, как деревья вдоль городской улицы в безветренную погоду. Они и волновались за Павлушкина, как дубки и березки, на которые, как помнит читатель, и походила расцветкой военная форма в начале третьего тысячелетия. Молча переживали солдаты, боясь лишним шорохом отвлечь человека от дела. На дубки и березки курсанты ходили и тем, что выделяли кислород из листьев на форме. То есть нельзя сказать, чтобы прямо выделяли, но, по крайней мере, точно не потребляли, потому что дыхание от волнения за швею у всех было на краткое время задержано, словно какой-нибудь

нарушитель общественного порядка, предлагающий милиционеру взятку через полторы-две минуты после ареста.

Павлушкин уложился в сроки, и листья на форме первого отделения артвзвода радостно зашелестели; зашевелились курсанты. О первой стадии утреннего осмотра можно было забыть.

Началась вторая стадия. Тыльная сторона ладони сержанта уподобилась лодке, подбородки курсантов — морским волнам. И не дай было Бог плавсредству ощутить под собой не водную гладь, а ельник или березняк. Судно непринужденно летело по волнам, пока не добралось до подбородка Фаненштиля. Лодка пробороzdила по какой-то поросли и покарябала днище.

— Фань, советую после армейки в лесничество податься, — обратился Кузельцов к небритому курсанту.

— Я не виноват, за ночь отрастают, — опустив глаза, ответил Фаненштьиль.

— Я и говорю, с твоими талантами прямая дорога в лесники. С нашей-то экологией, Фань. Посадишь саженцы, и они за ночь в небеса упрутся.

— Больше не повторится. Простите.

— Нет, ну если ты бородатый старик Хоттабыч, так и скажи. Я выдеру у тебя волосинку, загадаю заветное желание и отпущу с миром.

— Я не старик Хоттабыч.

— То есть мне еще год из-за тебя сапоги топтать? Удружил, спасибо.

— Товарищ сержант.

— Товарищ сержант, товарищ сержант... Ладно, я не в обиде. Жаль, конечно, но ничего не поделаешь. Побрею тебя только, чтоб ты другим надежду не давал своими джунглями. Так точно?

— Так точно.

— Станок тут не подойдет. Какой-то он грубый, да? На станках только болты вытачивать. Для бороды нужно что-нибудь помягче, повкуснее, что ли. Не знаешь, чем тут можно помочь?

— Не могу знать!

— Не расстраивайся и благодари Бога, что у тебя есть я.

— Товарищ сержант, только не...

— Вафельное полотенце, — закончил Кузельцов. — Это как раз то, что надо. И мягко, и вкусно.

— Това-а-арищ сержант, — взмолился Фаненштьиль.

— Ну, ну, ну, не благодари, — отмахнулся Кузельцов. — Все, чтоб ты улыбался. Забота о тебе — моя прямая обязанность, мой долг. Если так уж хочешь отблагодарить, подгонишь мне вечером пачку «Кента».

— Разрешите, я сам пробую лучше? Я мигом.

— Нет, нет и никак нет. Хочу послужить тебе. Не отказывай мне, пожалуйста. Не обижай меня, дорогой Фаненштиль... Я уже и Семенова за полотенцем отправил.

Услышав намек на приказ, Семенов выпал из строя и рванул за полотенцем. Через три минуты лицо Фаненштиля напоминало поле, на котором сначала поработали сенокосилки, а потом прошли маневры танковой дивизии.

— Содержимое карманов к осмотру! — приказал Кузельцов.

Курсанты сняли шапки и стали выкладывать в них все, что имелось в штанах и кителях. Странное дело, читатель. Солдатам было известно, что карманы — не место для мусорной свалки. Однако каждое утро шапки доверху наполнялись разнообразным хламом. Ну что за люди такие, ей-богу?! Прямо не люди, а мальчишки служили в армии от Калининграда до Дальнего Востока. Гвозди, семечки, конфетные обертки, куски телефонного провода, магниты, поломанные наушники, ручки без пасты, шевроны других родов войск, ключи от неизвестных дверей, съеденные на три четверти печенья, подшипники — вот лишь небольшой перечень предметов, оттопыривавших карманы солдат. Самое удивительное, что наказание за незаконное хранение рухляди не пугало даже самых робких бойцов. Слегка получить по шее за какую-нибудь гайку в курсантской среде считалось за честь. Сами сержанты со скрытым неодобрением относились к тем, у кого в карманах было пусто.

— Ты какой-то не такой, Пономаренко! — провало однажды сержанта Лысова. — Че у тебя вечно ничего лишнего? Какой-то ты не пацан! Даже бить тебя не хочется! Сгорел на очки!

Кузельцов ворошил содержимое курсантских шапок, улыбался и качал головой.

— Ну краник-то тебе зачем? — спросил он у Павлушкина.

— Пригодится, — прозвучал ответ.

— Куда пригодится? На член, что ли, поставишь, чтобы мочиться в удобное время?

— Никак нет! На умывальник.

— На какой, блин, умывальник? Все краны в порядке.

— Страхуюсь. Сегодня в наряд заступать, вдруг че случится.

— Хозяйственный ты у меня. А симка тебе зачем?

— Нашел.

— Я спрашиваю «зачем», а не «откуда»?

— На сотовый.

— У тебя же нет телефона.

— У вас есть.

— Так она для меня, что ли?

— Вряд ли буду — для вас... Краник только оставьте.

— Как дети малые. А че же не заныкал¹ краник?

— Хочу его сегодня на законных основаниях носить.

— Тебе это душу греет?

— И душу греет, и надежней. Сопрут ведь.

— А клей тебе зачем?

— Клеить.

— Ты че, меня за дауна держишь?

— Я не чуфанно², товарищ сержант.

— Чуфанишь.

— Я не чуфанно... Бухаю я.

— Опа!.. Когда это ты успел?

— До армейки.

— Достал ты меня. Клей, спрашиваю, зачем?

— Вдруг что-нибудь расклеится... Товарищ сержант, вы не сердитесь. Краник только оставьте. Я завтра выброшу, а сегодня — наряд.

На дне шапки Герца лежали два письма.

— Где по уставу должны храниться письма? — задал вопрос Кузельцов.

— В тумбочке, — ответил Герц.

— А че они у тебя в кармане делают?

— Забыл выложить.

— От кого хоть?

— От младшей сестренки. То есть первое — от нее, второе — мой ответ.

— Че пишет?

— Примеры попросила решить из домашки.

— Сколько ей?

— Восемь с половиной.

— Решил?

— Так точно... Сбросить письмо не успел.

— То он забыл, то не успел. Она ведь ждет, обезьяна!

— Виноват!

— А ты вообще понимаешь, что письмо-то она получит, а примеры ей уже на фиг не нужны будут? Через десять, может, дней письмо дойдет, а домашку завтра сдавать.

— Домашку Настенька две недели назад, наверно, сдала, — грустно сказал Герц. — С нерешенными примерами.

— Отставить сопли, боец! — строго произнес Кузельцов. — В Красноярске морозы стоят, у детей по-любому занятия отменили.

— Вряд ли морозы, товарищ сержант.

¹ Спрятать (сленг).

² Нюхать клей (сленг).

— А я тебе говорю — морозы! Спорить, что ли, полюбил?! В моем Омске морозы за тридцать давят, значит, в твоём вонючем Красноярске тоже морозы. Сибирь одна.

— Все равно не успею. На месяц же занятия не отменят.

— Короче, так. Сотовый у сестренки есть?

— Так точно.

— Ништяк. Павлуха, давай сюда свою симку, и молитесь оба, чтобы на балансе бабки были.

Кузельцов активизировал сим-карту и, доволь- но усмехнувшись, произнес:

— Слышь, Герц, на балансе пять баксов. С та- кими бабками можно любое домашнее задание в эсэмэски упаковать. И аккуратно, на пробелах не экономь. Дети в таком возрасте невнимательные, без пробелов запутаются. У самого сеструха.

— Спасибо, товарищ сержант.

— Пожалуйста. Как все сбросишь, письма со- жрешь... Куулар!

— Я!

— Ты меня чем в шапке порадуешь?

— Землей.

— Какой еще землей?

— С родины.

— С Тувы, что ли?

— Так точно.

— Где надыбал¹?

— Зема с соседнего бата подогнал.

— Для чего тебе земля?

— Просто.

— Иди ее тогда в цветок высыпь, польза будет.

— Никак нет.

— Не понял, боец.

— Никак нет. Тува — родина.

— Ты че, совсем дурак?

— Никак нет. Тува...

— Никак ты оборзел, даун? — гневно перебил сержант. — Ладненько... И че, прямо готов род- ную землю потом и кровью окропить?

— Так точно.

— Тогда начнем прямо сейчас, — произнес Ку- зельцов и хлестко ударил Куулара по носу. — Че встал, обезьяна?! Землю к ноздрям подставляй, чтобы ни одна капля даром не пропала...

— И подставляю, — процедил Куулар.

— Порычи мне еще. Вам волю дай, вы завтра в карманах коней таскать начнете и юрты с бабами.

Курсанту Попову досталось за сапоги.

— Что является лицом солдата? — спросил Ку- зельцов.

— Сапоги, — ответил Попов.

— Почему на них тройной слой ваксы?

— Я думаю, так лучше.

— У тебя бабское лицо, Попов. Только бабы на- кладывают на него столько штукатурки.

— Виноват.

— Че теперь с тобой делать? Наказать не имею права, ты же вроде как старался. Не наказывать тоже нельзя.

— Я больше не буду.

— Детский сад, что ли? Больше не будет он...

Кто ты по гороскопу?

— Неудобно говорить.

— Олень, что ли?

— Никак нет.

— Дева?

— Так точно.

Смешки в строю.

— Я ща кому-то посмеюсь! — увесисто пригро- зил Кузельцов и продолжил: — Дева так дева. Я к тому о знаке зодиака спросил, что у дев сегодня сложный день. Неурядицы по службе, ухудшение самочувствия, незапланированные расходы. В об- щем, наказать не могу, но у дев сегодня сложный день. Вопросы к звездам?

— Никак нет.

— Зато у них к тебе есть. И вопросы эти в пря- мом смысле взяты с неба. Вопрос первый: сколь- ко средств расходует государство на ваксу для армии? Вопрос второй: не чувствуешь подвоха в первом вопросе?

— Товарищ сержант, я понял.

— Отлично. Упор лежа принять. Твой сложный день уже начался.

В казарму зашли взводные: лейтенант Мака- ров и капитан Родионов.

— Смирно! — вытянувшись, крикнул дневаль- ный на тумбе и отдал честь с такой волнительной радостью, с какой невинная девушка отдает честь любимому парню, надеясь на его порядочность и заступничество.

От командиров отделений последовали при- казы «направо» и «налево». Курсанты поворачи- вались лицом к офицерам для молчаливого при- ветствия. Духи тихо радовались приходу взводных. Лейтенант Макаров и капитан Родионов были пья- ницами, обязанности исполняли через пень-коло- ду, но молодежь не трогали и по мере сил следили за тем, чтобы сержанты не измывались над кур- сантами.

Капитан Родионов был неудачником, равно- душным к службе. Он не дерзил старшим офи- церам, но выполнял приказы с показной неохотой. Сразу после окончания артиллерийского училища на его лице окопалось выражение: «Да отвязи-

¹ Достать (сленг).

тесь вы». За своим внешним видом капитан следил с педантичностью, полагая, что этим настоящим офицером и отличается от липового. Он единственный в батальоне носил натовскую форму, и весь его вид свидетельствовал о том, что он может, но просто не хочет командовать батареей или даже полком. Родионов убедил себя и других, что его вполне устраивает невысокая должность, что он не карьерист, и тем самым заслужил уважение офицеров и солдат. С подчиненными он разговаривал спокойно, с километровыми паузами между предложениями. Если он ставил задачу курсантам или сержантам, то они выполняли ее незамедлительно, потому что всем было известно, что Родионов зря напрягать не станет.

«Как офицер он никакой, дерьмо, а не офицер, а как мужик — нормальный», — думали про Родионова подчиненные.

— Здравствуйте, товарищи курсанты, — вяло поприветствовал Родионов батарею.

Курсанты набрали в воздух легкие и вытолкнули его толчками:

— Здравия желаем, товарищ капитан!

Застегивая на ходу верхнюю пуговицу кителя, разогнался по взлетке дежурный Ахминеев. При тормозив за несколько шагов до капитана, он перешел на строевой шаг. Остановившись и приложив руку к козырьку, Ахминеев доложил:

— Товарищ капитан, за время вашего отсутствия происшествий не случилось! Дежурный по батарее сержант Ахминеев.

— Да-да, понятно, — перешел Родионов на неофициальный тон, предлагая его и подчиненному. — Точно все нормально?

— Да вроде, товарищ капитан.

— Отправь кого-нибудь за минералкой... Смотри, чтоб все нормально... По распорядку теперь... Ко мне только в крайнем случае... Занимайтесь.

Сделав распоряжения, капитан Родионов пошел в канцелярию. Лейтенант Макаров направился было туда же, но вдруг вспомнил, что он тоже командует взводом, и остановился.

«Шел бы уже куда шел, — подумала батарея. — Опять в душу лезть будет».

Лейтенант Макаров в свое время отслужил в армии солдатом. Этим фактом в биографии он гордился как подвигом и полагал, что из-за этого ему многое позволено.

— Я сам тянул срочку, — постоянно напоминал он солдатам.

Эта фраза была универсальной. Она означала, что он (Макаров) все знает, умеет, видит, понимает и держит на контроле по определению,

позтому ему можно пить, не вести занятия, бить сержантов, приводить на ночь женщин в казарму и забирать курсантскую зарплату. Чтобы никто ни на секунду не забывал о его солдатском прошлом, Макаров даже одну полу кителя накладывал на другую сзади так же, как солдат-срочник, прослуживший в армии полгода и более. Он командовал взводом, опираясь исключительно на самочувствие и настроение. Вспышки активности чередовались у него с отсутствием малейшего интереса к жизни подразделения, собачье бешенство — с философским спокойствием, ненависть к службе — с любовью к ней.

— Нормально служится, бойцы? — улыбнувшись, спросил Макаров совсем по-отечески, а про себя подумал: «Куда уж там».

«Типа, не знаешь», — подумали курсанты, а вслух выдали привычное:

— Так точно!

— А не врете? — продолжил Макаров.

— Никак нет! — ответила батарея с заметной тоскливостью.

— Не слышу! — нисколько не расчувствовался Макаров.

— Никак нет! — с ненавистью повторила батарея.

— Сержанты не обижают?

— Никак нет! — рявкнула батарея.

— Нехватка долбит?

— Никак нет! — взревела батарея.

— Домой никто не хочет?

— Никак нет! — сорвала голос батарея.

— Суицидников, сочинцев¹ нет?

— Никак нет! — прохрипела батарея.

Подняв боевой дух солдат, лейтенант Макаров удалился в канцелярию. После ухода офицеров батарея сразу забыла об их существовании.

— Прочистили горло, тормоза? — спросил Кузельцов у подчиненных и бросил: — Газы!

Курсанты сорвали шапки. Зажав головные уборы между коленями, духи стали расстегивать под сумки. Прошло еще две секунды, и казарму наполнил звук завибрировавшей резины. Ракетной скорости, с которой противогазы начали облеплять бритые головы, мог позавидовать главный герой фильма «Маска». Нет сомнений, что в случае войны смерть от химической атаки курсантам не грозила.

Руки Герца делали привычное дело, а его глаза, которые за красоту давно следовало переименовать в очи, жили отдельной жизнью. На гражданке глаза Александра были похожи на черные сморо-

¹ СОЧ — самовольное оставление части, сочинец — дезертир.

дины, которые нередко покрывались сентиментальной росой. До армии они преимущественно выполняли второстепенные функции: вызывали у девушек мучительно-сладкое томление в груди и глядели по сторонам в поисках красоты и совершенства. Служба в батарее заставила Герца понять, что глаза — это не орган с ударением на «а», а орган с ударением на «о». Во время надевания противогаза зрачки Александра перекачивались по белкам справа налево, отбивая секунды, как маятник на часах, и следя за скоростью товарищей, которые временно превратились из людей в ориентиры.

Павлушкин не думал о себе. Его действия были направлены на отвлечение внимания сержанта от Герца. Сразу после команды «газы!» Илья специально стал проделывать массу лишних и нарочитых движений, которые, казалось бы, должны были привести к тому, что он не уложится в норматив. Но Павлушкин был опытным объездчиком секунд. Что касается актерской игры, то на этот раз она оставляла желать лучшего. словно посредствен-

ность из второго состава провинциального театра, Илья явно переигрывал.

«Че-то темнит, обезьяна, — глядя на Павлушкина, думал Кузельцов. — Темни, темни. Все равно вскрою».

Все курсанты уложились в норматив.

— Смотри-ка — успели, — издалека начал Кузельцов. — Даже Календарев. Даже Календарев? — Так точно!

— Молодца! — похвалил Кузельцов. — Реальные слоники, хоть сейчас саванну заселяй. Только, помнится, у меня один мамонт был. В черном, а не в зеленом гондоне.

Курсанты переглянулись.

— Не волнуйтесь, — подбодрил Кузельцов. — Мамонт не вымер, он здесь. Че по сторонам зыркаешь, Герц? Это ведь ты.

— Так точно! — не догадываясь о расследовании сержанта, бодро ответил Герц.

— Но ты мне что-то не нравишься, — продолжил Кузельцов. — Ты трубишь, как слон. Мамонт

трубит по-другому, как-то предсмертно, что ли. Ты же такой веселый и пакостный ледниковый пройдоха, что мне кажется, что сейчас где-то рядом с тобой трется очаровательная самка. Да, на которую ты вот-вот запрыгнешь, чтобы получить удовольствие и уберечь вид от вымирания.

«Копает», — подумал Герц и произнес упавшим голосом:

— Не понимаю, о чем вы.

— Вот теперь реальный вымирающий мамонт, которого так и хочется добить, чтоб не мучился, — сказал Кузельцов, и Герц выдохнул с облегчением. — Но все равно что-то не так. Вот только что — не пойму. Может, ушей у вас не хватает? Ну точно не хватает. А, Фань?

— Безуховы. Как положено.

— Вижу, что не Ростовы. Значит, дело не в ушах... В хоботах! Какие-то они у вас чересчур гофрированные, как прямо шланги в душах. Как думаешь, Павлуха?

— Хоботы как хоботы, товарищ сержант, — прозвучал ответ.

— Н-да, хоботы как хоботы... Ага, ага. Теперь все ясно. Дело в...

Кузельцов вперился в Павлушкина и взял мхатовскую паузу. И тут Павлушкин совершил непростительную оплошность. Его рука машинально схватилась за карман кителя, в которой лежал военный билет. Парень почему-то подумал, что Кузельцов захочет сравнить номер, выбитый на противогазе, с номером, записанным в документе. Естественно, у сержанта и в мыслях не было ничего такого, однако в движение подчиненного он вцепился, как бульдог в руку жертвы, и начал медленно перебирать челюстями с намерением добраться до шеи и перегрызть сонную артерию.

— Че у тебя в кармане? — спросил сержант.

— Военник¹.

— Ясен пень — не ириски. К осмотру!

Павлушкин передал сержанту военный билет.

— Какой-то он у тебя красный, боец. Мне кажется, что ему за тебя стыдно. Или он у тебя коммунист? Ты же у нас из Шушенского, там все ленинцы, сам говорил.

— Говорил, правда. У нас Ленин в почете. Благодаря Ленину аэродром в Шушенском построили, всякие делегации с подарками приезжали.

— Короче, военник у тебя красный по убеждениям.

— У меня он тоже социал-демократ, — ввязался Герц.

— Тебя сейчас кто-нибудь спрашивал, обезьяна? — задал вопрос Кузельцов.

— Никак нет, — ответил Герц.

— А хули лезешь не в свои сани?

— Так мои вроде. Выслушайте, пожалуйста.

— По делу?

— Так точно.

— Валяй тогда.

— Коммунизм — это не так уж и плохо. Только нам надо было строить не материальный, а духовный. Я бы тогда в 17-м сам стал красноармейцем. То есть красногражданином. Если коммунизм духовный — в армии нет необходимости.

— И это называется «по делу»? — сказал Кузельцов.

— Ну, не совсем, конечно, хотя...

— Совсем, обезьяна, — перебил Кузельцов. — Совсем не по делу. Ни про Павлуху, ни про армию... Как это армия не нужна? Нас бы уже в 18-м оккупировали, если бы ее 23 февраля не учредили.

— А интервенты? Японцы, белочехи.

— Но по истории мы уже успели руки набить, убивая своих, так? — произнес Кузельцов и победоносно улыбнулся, как будто гордился тем, что народ вот так вот мудро успел подготовиться к иноземному вторжению. — Мы уже натренировались друг на друге женатыми патронами и шашками не из дерева. Не, а че? Какие, к черту, братья, когда тут старый мир с новым бодается?! Какое, на фиг, настоящее, когда прошлое с будущим бьется? Не рыпайся, короче.

— Что-то есть в ваших словах, — согласился Герц. — Россия показала, как можно ни за что не цепляться ради Туманности Андромеды. На это была способна только сверхнация.

— Не умничай, — сделал замечание Кузельцов. — Обгадилась потом твоя сверхнация, когда все друг друга закладывали, как видики в ломбард.

— Отсутствие реакции на полный беспредел — не трусость, а высшее проявление мужества, смирение, которое Христос пропагандировал, — загудел в противогазе Герц и подивился, эка его занесло. — Братья? Черт с ними! Вера? Пережиток! Перестав цепляться за мораль и нравственность, Россия преодолевала саму себя и готовилась к прорыву. Надо было только до основания! — Стекла в противогазе Герца запотели. — До земли под фундаментом! За воровство не сажать, а награждать. Ложью гордиться, как правдой. А потом посмотреть. Вдруг бы что-нибудь получилось.

Кузельцов без размаха, накоротке ударил Герца в солнечное сплетение. Курсант скорчился

¹ Военный билет (арм. сленг).

и повалился на пол. Сержант присел на корточки рядом с подчиненным и произнес:

— Много текста, боец... Обиделся?

— Никак нет, — откашлявшись, ответил Герц. — Заинтересовался.

— Я тебе заинтересуюсь... Павлуха, тебе жалко товарища? — спросил Кузельцов, не отрывая взгляд от Герца.

— Не сильно-то, — выпростав рот из противогаза, ответил Павлушкин. — Он больше жестокий, чем вы.

— Смело, Павлуха, ценю. А не боишься, что сейчас рядом с ним ляжешь?

— Мне не привыкать. От вас этого и жду. Вы редко неожиданно. Да и не убьете. А Герц загадочный, он и грохнуть может, если решит, что так надо. В нем столько мыслей, сколь микробов под ободком унитаза; не нашего, конечно, гражданского. Мутный он. Мечется. Главное, чтоб ни в чем не определился твердо, а то — хана. Он теперь мысль, за которую вы его воздуха лишили, сто пудов холить начнет, я его знаю. Он даже сейчас не обиделся, что мне его не жалко. Может, правду так думает, о чем базарил, может, вас испытывал, может, повыпендриваться перед вами решил, потому что вы не дурак, вышка¹ же незавершенная у вас. Можете оценить, короче.

— Мелко плаваешь, Павлуха, когда обо мне рассуждаешь, — произнес Герц.

И так захотелось Александру сказать, что вся эта свистопляска мыслей затеяна только для того, чтобы отвлечь внимание Кузельцова от его расследования, что заломило в груди.

«Я сам мелкий, — с традиционной честностью признался сам себе Герц. — В одобрении нуждаюсь, в похвале, люблю быть хорошим и загадочным. Нет, ну че я мучаюсь из-за этого? Ну все же так, абсолютно все. Неужели кто-то может действовать на бескорыстной основе? Святые? Нет. Они прежде всего о собственной душе заботятся, прежде всего собственную душу стремятся спасти, а чужие — только по ходу дела. Преступник, может, и тот честнее перед самим собой. Он зачастую живет только для себя и знает, что живет только для себя, и в действиях его никакой лжи перед самим собой, как у тех же старцев. Мысль преступника такая, какая она есть. Животная, но прямая, честная и открытая. И ведь хочешь альтруистом стать, а не получается. Обязательно вопрос себе задашь: “Для чего помог, спас, выручил?” И честно ответишь: “Для одобрения со стороны, для спасения души или еще чего-ни-

будь”. И хоть честно признаешься, что корысть была, а легче не станет. А начнешь гнать эти мысли, запрещать им являться, говорить себе, что следует помочь человеку просто так, то и действовать не пожелаешь, потому как перед поступком воспламениться надо. Страшно воспламениться. Сильная мотивация нужна, чтобы добровольно проглотить телом пулеметную ленту, как Матросов, или вон Павлушкина выручить. Тут отдачи ждешь, как после стрельбы из автомата. Есть котлеты, спать с женщинами, пить водку мы готовы на бескорыстной основе, а вот за других встать...

И все-таки люди не так уж плохи, если не с черного, а с парадного хода зайти. В нашей природе стремление к доброте и правде заложено, потому что только исчадья ада, каких мало, не ищут себе оправдания после преступления. Выгораживание себя перед самим собой есть завуалированное желание стать лучше и чище. Украдет вор, но не успокоится в собственной грязи, начнет оправдание себе искать. Это первая ласточка, предвестница весны, которая может как наступить, так и не наступить, но всегда есть шанс, что наступит. “Это все среда, голодное детство, отец-пьяница, отсутствие работы, олигархи, чиновники, политика, а то бы я не крап и человеком был”, — говорит себе вор и накрывается всем этим с головой, потому что в душе ему, один черт, зябко и страшно. И этот страх далеко не от присутствия рядом ментов и законов.

И монахи часто не лучше воров и убийц. Мало кто из них готов перейти в мир иной сию же секунду, потому что грешны в мыслях так же, как воры и убийцы — в действиях. А на небе нет разделения на мысли и действия, там материальные и духовные субстанции справедливо уравниваются в правах. С мыслью сложнее справиться. Она вылетела — и все. Захотел переспать с женщиной — равно переспал, Христос все четко обозначил».

Эти мысли пронесли в голове Герца лихим кавалерийским полком и полком прямо чапаевским, потому что много в них было революционного и смелого, но и немало по-мужицки безграмотного и скороспелого.

Между тем Кузельцов не забыл, что ему что-то не нравится. Конкретику он продолжал искать в тощей, как советская сберкнижка, книге жизни — военном билете.

— У тебя тут все слишком в порядке, — пролистав военный билет, заметил Кузельцов Павлушкину. — Герб, фамилия, номер, группа крови, рост такой-то, даже запись о прохождении дактилоскопической экспертизы имеется... Откатали, стало быть, пальчики на всякий пожарный?

¹Высшее образование (сленг).

— У всех откатывали.

— У меня не откатывали.

— Так вы раньше призывались.

— Потому что мое поколение в дружбе с законом.

— Вы меня всего-то на полтора года старше, — простодушно улыбнулся Павлушкин.

— Не всего, а на целых полтора.

— К чему вы клоните?

— К чистосердечному признанию, которое облегчает участь.

— Но мне как-то не в чем признаваться.

— Ну, не в чем так не в чем, — внешне как будто удовлетворился ответом Кузельцов и уже было протянул билет Павлушкину, но вдруг выдернул документ из рук курсанта и пролистал его еще раз. — Я всегда так на гражданке делал, — как бы между прочим пояснил он свои действия курсантам. — Вот вроде все электроприборы в квартире выключу, а все равно вернусь и проверю. Мало ли. Телевизор еще куда ни шло, а если утюг? Павлуха, ты не в курсе, где у тебя в военнике утюг?

— Может быть, на первой странице? — ответил Павлушкин дрожащим голосом.

— Нет, — улыбнувшись, произнес сержант и, уловив вибрацию в голосе курсанта, решил вести расследование до победного конца. — Утюг — он всегда в дальнем углу квартиры. Бывало, даже психанешь, что надо сначала разуться и...

— В конце? — страхась развертывания сержантской мысли, перебил Павлушкин, в голосе его блеснула мольба.

— Опять неверный ответ, — пустынно сухо ответил Кузельцов. — Конец квартиры — это балкон, там всякая ненужная рухлядь хранится вроде лыжной палки без пары. А утюг — он где-нибудь в гостиной, грубо говоря, в середине. Надо просмотреть десятую, одиннадцатую и двенадцатую страницы... Ага, на двенадцатой — номер противопогаза. Заметь, как в тему. Гондон на твоей голове, то есть включен. А должен быть в подsumке, то есть выключен.

— Так ведь команды же не было, «отставить газы» не было, не было ведь команды, вы только дайте, — затараторил Павлушкин, и было слышно, что он в страхе оправдывается, но оправдывается не за отсутствие команды, а за что-то другое.

— Глаза мне твои не нравятся, — катком наехал Кузельцов на подчиненного и голосом, и взглядом.

— Я же в п... в п... в противопогазе, их не... не видно, — заикаясь, произнес Павлушкин.

— Они у тебя в голос ушли, я их слышу, — пригвоздил Кузельцов и опять взял мхатовскую паузу.

Под давлением сержантского взгляда Павлушкин начал медленно сжиматься, как пружина. Ему сделалось жутко. Он задышал часто. Его сердце бешено заколотилось, грозясь раздробить грудную клетку, выпорхнуть наружу и заметаться по казарме, словно птица. Взгляд Кузельцова наращивал давление, и пружина, которой мы уподобили Павлушкина, рано или поздно должна была лопнуть. Но она не лопнула. Достигнув предела сжатия, она произнесла про себя «погибать — так с музыкой», резко выпрямилась и перешла в нахальную контратаку.

— Вы гений! — сорвав противопогаз, выпалил Павлушкин и продолжил отважно и нахраписто: — Только гений мог вот так вот! Ни фиги себе! Номер моего противопогаза действительно не стыкуется с номером в военнике! Мы с Герцем сменялись! Просто так! На время! Вы гений и...

И тут Павлушкин затаил такую хвалебную песню в адрес товарища сержанта, какой в свое время не удостоивался даже товарищ Сталин. Покрыв шоколадной глазурью положительные качества Кузельцова, прибавив вертикальные палочки к минусам командира отделения, Илья обратился к родственникам сержанта. Миновав родителей Кузельцова из-за отсутствия малейших сведений о них, Павлушкин сразу перешел к его дедушке по отцовской линии, о котором он знал абсолютно все, так как был твердо уверен в том, что судьбы у всех дедов России одинаковые. Чтобы не прослыть окончательным подхалимом, Илья не назвал, а можно сказать, хамски обозвал дедушку сержанта Героем Советского Союза и освободителем Европы. Павлушкину очень хотелось привнести в свою песню щемящую нотку, сказать, что предок Кузельцова мужественно пал в боях за Родину, однако курсант вовремя одумался. Геройский дед запросто мог выжить и тем самым подгадить всему отделению. Кузельцов не успел опомниться, как уже досталось жене геройского дедушки. Бабушка сержанта раскрутилась в гробу юлой, когда Павлушкин принялся склонять ее во всех падежах, кроме винительного. Закончив с отцовской линией, Павлушкин хотел было замолвить словечко и за материнскую, но Кузельцов не дал:

— Хорош! Двадцать отжиманий за бабу, двадцать — за деду, двадцать — за Жучку (внучку командир отделения как-то опустил), двадцать — за кошку, двадцать — за мышку, двадцать — за репку. Обоим!

Продолжение следует.